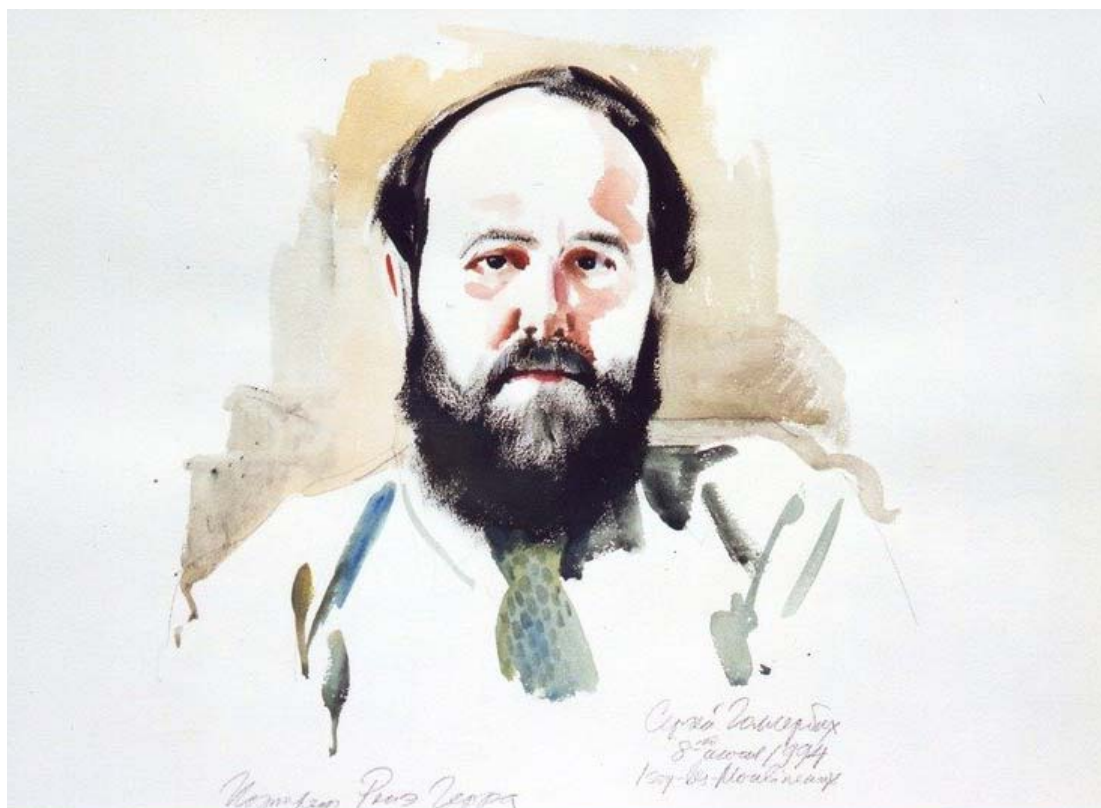

ЖИЗНЬ ЕСТЬ ЧУДО

Тамара Приходько

2 ноября 2017 года в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына праздновали 94-летие Сергея Львовича Голлербаха.

Портрет
Ренэ Герра

В Америке, где Голлербах живет с 1949 года, его называют русским художником, в России — американским или художником русского зарубежья. А мы — нашим соотечественником и давним другом Дома русского зарубежья, а еще — почетным дарителем. После нескольких выставок Сергей Львович подарил нашему Дому ряд своих живописных и графических работ, познакомил со своими учениками. В библиотеке ДРЗ есть и книги Сергея Львовича — «Заметки художника», «Нью-Йоркский блокнот», «Мой дом», «Жаркие тени города», «Свет прямой и отраженный», а также собрание сочинений в одном томе. На

этом вечере состоялась презентация стихотворного сборника Голлербаха «Мысли в стихах», изданного в Воронеже Центром духовного возрождения Черноземного края.

Сергей Львович со свойственной ему самоиронией так пишет в предисловии от автора: «В молодости я стихов не писал. В зрелом возрасте и подавно. Но вот на старости лет — седина в бороду, а стих в ребро». Но посвящения в этой книге вполне серьезные: «Моим соотечественникам, любящим и ценящим Жизнь во всех ее проявлениях», и еще одно — «Памяти моего дяди Эриха Федоровича Голлербаха (1895–1942), литератора, искусствоведа и библиофила».

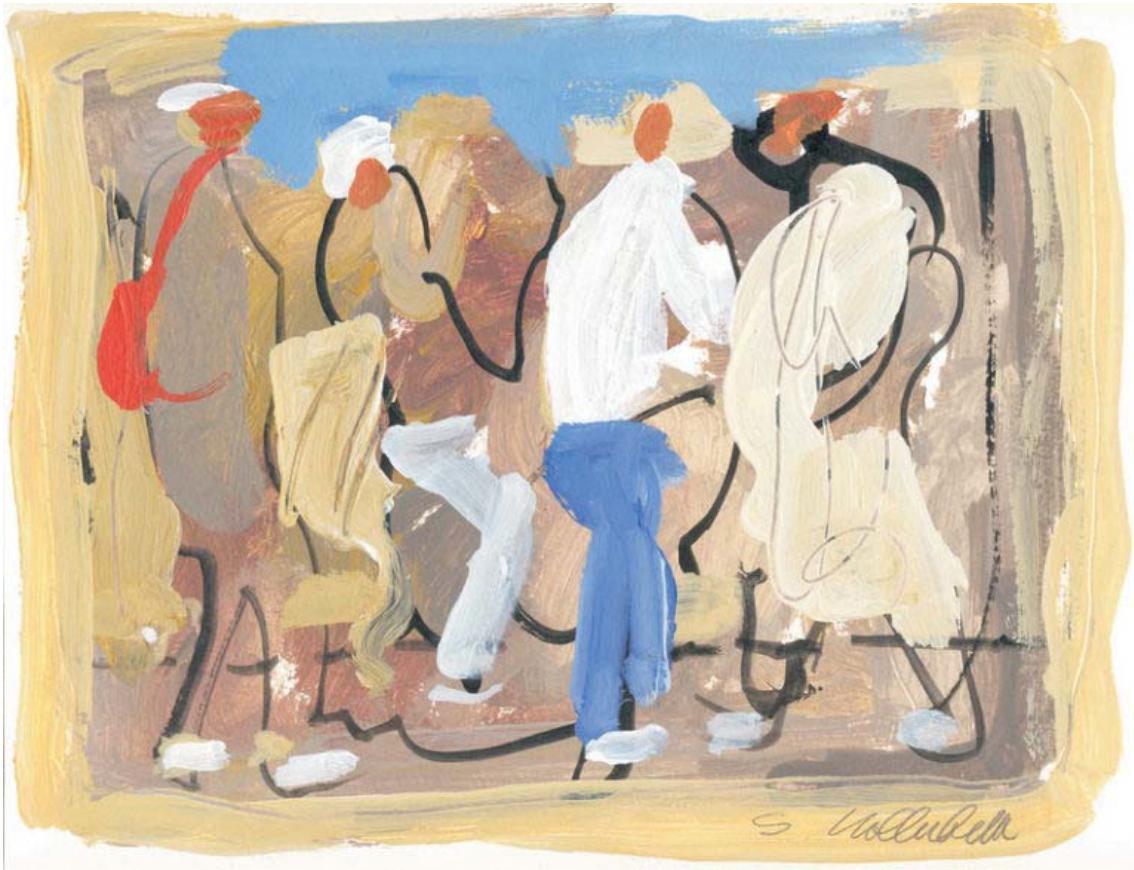
Дед С. Голлербаха Федор Георгиевич с младшим сыном Эрихом на веранде своего дома. Царское Село. 1910-е гг.

Сергей Голлербах

Сергей Львович Голлербах родился 1 ноября 1923 года в Царском Селе, где с давних пор обосновалась немецкая семья деда — известного кондитера. А дед по материнской линии был кадровым российским военным, директором Воронежского кадетского корпуса, а впоследствии — генералом для особых поручений при великом князе Константине Константиновиче. Семье с такой родословной в советское время трудно было избежать репрессий. В 1935 году отец, Лев Федорович Голлербах, инженер, был арестован, а мама с одиннадцатилетним Сережей выслана в Воронеж. Но несмотря на лишения и трудности об этом городе у будущего художника остались светлые воспоминания. Здесь он занимался в изостудии Дома пионеров, руководитель которой Нина Каппер была ученицей Н.К. Рериха. А когда в 1937 году отца освободили и семья переехала в Ленинград, Сергей продолжил образование в Художественной школе при Академии художеств и у дяди Эриха Федоровича, квартира которого напоминала и музей, и художественный салон. Множество картин, книг, интересные посетители, среди которых были такие художники, как К. Петров-Водкин, И. Билибин...

Но грянула война. Отец и дядя ушли на фронт и погибли — один в 1942 году, другой в 1943-м. (Об этом Сергей Львович узнал только в 1960-е годы уже будучи в США.) А он вместе с матерью оказался в оккупаци-

*С. Голлербах (в центре) с отцом и бабушкой.
Воронеж. 6 октября 1936 г.*

*Мать, Людмила Алексеевна Голлербах. Мюнхен. 1946 г.
Рисунок С. Голлербаха*

роvanном фашистами Пушкине, откуда был выслан в трудовой лагерь в Германию. После окончания войны он оказался на территории, освобожденной американскими войсками. Работал в Мюнхене в кафе скетч-артистом, а попросту своего рода «придворным» художником, рисуя портреты американских солдат. Но не только. Ему удалось брать уроки в Мюнхенской Академии художеств у профессора Каспара, который обращался к своим подопечным с таким наставлением: «Талантливых людей — как собак нерезаных. Важно то, что вы из себя сделаете».

Голлербах «делал из себя» самобытного художника уже в Америке, куда он перебрался в 1949 году сначала к поручительнице, как это было при устройстве в Америке эмигрантов-беженцев. Потом начал самостоятельную деятельность в Нью-Йорке. Это был и физический труд, и коммерческая графика, и собственные художественные поиски. Интерес к повседневной жизни, зарисовки самых обычных горожан на улицах, в кафе, в транспорте были своего рода изобразительно-репортерской работой, но с той почвенной основательностью, вкус к которой прививал профессор Каспар. Как говорил Сергей Львович в фильме, показанном на вечеру в ДРЗ, он предпочитает земные краски — ко-

ричневые, желтые, серые. Эта гамма, по его мнению, наиболее точно выражает облик Нью-Йорка. Что же до персонажей, героев картин Голлербаха, стоит привести ироничные строки поэта Ивана Елагина: «Угловатые уроды голлербаховской породы наклоняются со стен. В них чувствительность антенн».

Что же транслируют эти антенны? Вот мнение искусствоведа, члена-корреспондента Российской академии художеств Виталия Пацюкова: «Все живописные работы, зарисовки Голлербаха связаны с жанровым присутствием человека в городе. Город как бы скрыт. И мы переживаем не сам город, а состояние человеческой личности. Например, тончайшая акварель «Фигуры в городе». Здесь геометрия трех фигур, в которых словно отражаются вертикали небоскребов, напоминает силуэты крестьянского цикла Малевича. А насколько выразительно изображение идущего, опираясь на палку, человека. Это собственно уже не фигура, а само движение. Буквально ощущаемая экспрессия этого полотна усиливается благодаря тому, что художник несколько последовательных фаз этого движения сохраняет в одном силуэте».

У Голлербаха главное — экспрессия, психическое состояние человека. Но далее изображение отделяется и

от психического состояния человека, художнику важно изображение самого тела в городе. Этот контур зачастую не отделим от энергии всего города. Фигура и ткань города становятся чем-то единым. Но одновременно за счет вертикалей, характерных для многих полотен художника, выражается и одиночество человека. Нью-Йорк — это город, где ты чувствуешь себя свободно и ты одинок. Никто в тебе не заинтересован, ты никому не нужен, но в этом есть путь к сохранению своей личности, своего собственного достоинства. Ты отчужден от города, но ты сохраняешь себя самого. И здесь интересно, как Голлербах пытается соединить пространство города с самой человеческой личностью. Акварель позволяет художнику выражать пластические состояния. Еще нет рисунка, но сам жест уже определяет силуэт и как бы преодолевает заданное городом и собственным телом пространство. В этом своеобразии живописи Голлербаха».

Такое взаимодействие с городом испытывает и преодолевает и сам художник. Не только одиночество помогает ему обрести себя, но и разнообразные жизненные контакты. В круге его общения — и малоизвестные, но дорогие ему люди, о которых он пишет в «Нью-Йоркском блокноте», и известные деятели русского зарубежья — Иван Елагин, Эрнст Неизвестный, Рудольф Нуреев, Роман Гуль. Он общается с редакторами эмигрантской прессы и издательств, публикует заметки художника, эссе, воспоминания в газетах «Но-

*С. Голлербах с матерью на открытии своей выставки.
Нью-Йорк. 1966 г.*

вое русское слово», «Русская мысль», в «Новом журнале» и «Континенте», оформляет обложки для эмигрантских книжных изданий произведений А. Ахматовой, О. Мандельштама, Е. Замятина. Не будучи активным участником РСХД, посещает религиозно-философские собеседования Юрия Иваска и размышляет над его докладом «Беспризорное добро». Его общение с поэтессой Валентиной Синкевич дает импульс собственному стихотворному творчеству. А двадцатилетнее преподавание дизайна в Американской Национальной академии прибавляет не только учеников, но и друзей.

Сегодня произведения Голлербаха есть в музеях и частных коллекциях разных стран, в том числе в Третьяковской галерее, Русском музее, в Воронежском художественном музее. Подаренные Голлербахом живописные и графические работы обогатили музейное собрание Дома русского зарубежья, а общение с Серге-

ем Львовичем всегда — удивительный праздник и для сотрудников, и для гостей ДРЗ.

Выставки и встречи в нашем Доме стали значимыми событиями и в жизни Голлербаха, о чем он говорил с экрана, специально записав приветствие для вечера, организованного в его честь. С теплыми словами благодарности и поздравлениями в адрес Сергея Львовича выступили директор ДРЗ Виктор Москвин и организатор вечера — заведующая библиотекой ДРЗ Татьяна Королькова. Виктор Леонидов исполнил свою песню, посвященную Сергею Львовичу. На вечере присутствовали и рассказывали о Голлербахе его и наши соотечественники: Людмила Тобольская, Лариса Вульфина, Людмила Полчанинова-Селинская и другие. А поэт и философ Александр Сенкевич назвал Голлербаха Монтенем XX века, подчеркнув особую ценность его мировосприятия, не искаженного идеологией, а открытого всему миру и человеку. Он пожелал всем читать книги Голлербаха для того, чтобы обрести душевное равновесие. Именно такое послание и в новом стихотворном сборнике этого самобытного художника и мудрого человека:

*Нам говорят, что Жизнь есть Чудо,
и если это так, то, грешный человек,
цени в ней то, что хорошо,
забудь, что было худо,
и ты достойно свой закончишь век. ИБ*

